

Ю. И. КУЛАКОВ

ВСТРЕЧА В ЦАХКАДЗОРЕ

В начале 70-х гг. в «самиздате» широко была распространена работа А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Читали эту брошюру и в новосибирском Академгородке, и в моем близком окружении. И, естественно, мне очень хотелось увидеться с Андреем Дмитриевичем, мысли которого, изложенные в этой работе, были мне близки и понятны.

И вот такой случай представился. Летом 1973 г. я поехал на Всесоюзную конференцию по проблемам гравитации в Армению, в местечко Цахкадзор. Ожидалось, что там будет Андрей Сахаров. До этого я неоднократно видел его на разных «физических мероприятиях», но непосредственно разговаривать не приходилось.

На следующий день после приезда в Цахкадзор, во время обеда, я, немного робея, подошел к столу, за которым сидели Андрей Дмитриевич Сахаров и Елена Георгиевна Боннер.

Представившись как бывший аспирант Игоря Евгеньевича Тамма, я сказал: «Знаете, Андрей Дмитриевич, я, как купец из „Аленького цветочка“, — когда я собирался сюда на конференцию, моя старшая дочь Ира сказала мне: „Папа, ты не привози аленький цветочек, а привези мне портрет Сахарова!“. Так что я не могу вернуться домой, не увезя с собой Ваш портрет».

Андрей Дмитриевич как-то очень доброжелательно и сердечно откликнулся на эту просьбу, и поскольку в помещении было достаточно темно, мы вышли на улицу. Так появился цветной слайд, где А. Д. Сахаров запечатлен на фоне глухой стены из дикого камня. Образ получился почти символический...

Андрей Дмитриевич рассказал мне тогда, что они с женой приехали в Армению из Краснодара, где проходил судебный процесс над одним молодым человеком, обвиняемым в чтении и распространении как раз «Размышлений о прогрессе...». Защитить юношу не удалось, автора крамольной брошюры даже не пустили в зал заседаний суда.

В автобиографии Сахаров подробно описал этот зловещий 1973 год, когда вокруг него и его семьи сжималось удушающее кольцо...

После этой встречи я получил от Андрея Дмитриевича приглашение побывать у них дома в Москве. Во время такой единственной московской встречи меня, помню, поразила необыкновенная деликатность А. Д. Сахарова. Он, например, не мог позволить себе остановить самоуверенные высказывания одного молодого человека, которому явно импонировало такое внимание. Но, что касается убеждений, не только я, но и все вокруг имели возможность наблюдать невероятную твердость Андрея Дмитриевича, когда он защищал принципиальные вопросы.

Я видел тогда, что он был очень одинок, даже в своем братстве физиков. Многие из них понимали его правоту, но не одобряли тот путь борьбы, на который он встал. Система казалась незыблемой, а жертвы — бессмысленными...

Своим стоицизмом Андрей Дмитриевич напоминал мне моего учителя Игоря Евгеньевича Тамма. Мне часто вспоминаются как-то сказанные Таммом слова в тот период, когда теория сильных взаимодействий находилась в состоянии глубокой депрессии: «Знаете, Юрий Иванович, мы с Вами работаем для корзины. Через десять лет это никому не будет нужно, — об этом все забудут. Но нужно что-то делать!».